

Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты

Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: griitsenko2006@yandex.ru

Остапенко Л.В.

Институт этнологии и антропологии РАН (ФГБУН ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9049-104X>, e-mail: lost_82@bk.ru

Субботина И.А.

Институт этнологии и антропологии РАН (ФГБУН ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>, e-mail: irinalsu@yandex.ru

Цель. Анализ субъективной значимости, придаваемой жителями малых городов гражданской, этнической, региональной идентичности, и выявление ее детерминант.

Контекст и актуальность. Нарастание неопределенности и социально-экономической нестабильности в обществе актуализирует процессы социальной идентификации личности. В этих условиях особую значимость приобретает выявление гражданской, этнической и региональной идентичности жителей малых провинциальных городов Российской Федерации как важного ресурса для групповой солидарности.

Дизайн и методология исследования. Авторы опираются на теорию социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера. Проводился опрос жителей в г. Белев Тульской области и г. Старица Тверской области, отличающихся моноэтничностью, отрицательной демографической динамикой, удаленностью от столицы и своих областных центров.

Участники. 600 этнических русских (50,8% — женщины). Выборка квотная по признаку возраста, в обоих городах включала в себя три возрастные группы: 16–29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше, численность каждой из которой составляла 100 чел.

Методы (инструменты). Анкетирование с помощью разработанной и прошедшей апробацию в Институте этнологии и антропологии РАН анкеты, вопросы которой направлены на определение степени идентификации респондентов с разными социальными группами, оценки удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности, уверенности в собственном будущем и будущем своего города. Для обработки данных применялись методы описательной статистики, *t*-тест, множественный регрессионный анализ с использованием SPSS 18,0.

Результаты. Были обнаружены высокие показатели субъективной значимости для респондентов гражданской, этнической и региональной идентичности. При этом в большей степени жители малых городов идентифицируют себя с представителями своего народа, в меньшей — с жителями своего города/области и еще в меньшей — с гражданами своей страны. Детерминантами субъективной значимости исследуемых видов идентичности для старичан выступают удовлетворенность различными сторонами жизни, в то время как для белевцев — безграничная любовь к родному городу, гордость и вера в его будущее процветание.

Основные выводы. Исследование показало, что жители малых городов ищут опору, поддержку и защиту, прежде всего, в идентификации со своим этносом. Ресурсом для сохранения позитивного самоопределения выступает также региональная идентичность. Более того, региональная идентичность в данном случае играет важную консолидирующую роль, выступая в качестве механизма социальной интеграции гражданского сообщества.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, региональная идентичность, субъективная значимость идентичности, детерминанты субъективной значимости идентичности, жители малого города.

Для цитаты: Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>

The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Lyubov V. Ostapenko

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9049-104X>, e-mail: lost_82@bk.ru

Irina A. Subbotina

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>, e-mail: irinalsu@yandex.ru

Objective. *The objective of the study is to analyze the subjective significance attached by residents of small towns to civil, ethnic and regional identities and to identify its determinants.*

Background. *The growth of uncertainty and social and economic instability in society actualize the processes in the social identification of the person. Under these conditions the study of civic, ethnic and regional identities of residents from provincial towns in the Russian Federation as an important resource for group solidarity is of particular importance.*

Study design. *The authors rely on H. Tajfel and J. Turner's theory of social identity. We conducted a survey among residents in the town Belev, Tula region, and the town Staritsa, Tver region, characterized by mono-ethnicity, negative demographic dynamics, remoteness from the capital and its regional centers.*

Participants. *The study involved 600 ethnic Russians (50.8% women). The quota sample in both towns included three age groups: 16–29 years old, 30–49 years old, 50 and older, each group included 100 people.*

Measurements. *The questionnaire was developed and tested at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. The questions are aimed at determining the identification degree of respondents with various social groups, as well as assessing satisfaction with various aspects of life and confidence in their own future and the future of their town. For data processing we used methods of descriptive statistics, Student's *t*-test, multiple regression analysis, SPSS 18.0.*

Results. *We have found high rates of subjective significance of civic, ethnic and regional identities for respondents. Moreover residents of small towns identify themselves more with representatives of their folk, less with residents of their town/region and even less with citizens of their country. The deter-*

minants of the subjective significance in the investigated types of identity for old people are satisfaction with various aspects of life, while residents in town Belev have unlimited love for their native town, pride and faith in its future prosperity.

Conclusions. *The study showed that residents of small towns are looking for reliance, support and protection, primarily in identification with their ethnic group. The resource for maintaining positive self-determination is also regional identity. Moreover regional identity in this case plays an important consolidating role acting as a mechanism for the social integration of civil society.*

Keywords: *civil identity, ethnic identity, regional identity, subjective significance of identity, determinants of identity subjective significance, residents of a small town.*

For citation: Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412> (In Russ.).

Введение

Понятие идентичности в последние годы все чаще становится предметом теоретического и эмпирического изучения во многих социальных науках. Интерес ученых к данному феномену не случаен. Он обусловлен той ролью, которую выполняет идентичность в условиях нарастания глобализационных процессов и становления всемирной информационной сети [2; 30; 34].

Идентичность является отражением ценностно-мотивационной направленности личности в восприятии социально-политических, экономических, этнокультурных явлений современного общества [22; 32]. С одной стороны, включенность гражданского, этнического, регионального компонентов в идентификационную структуру личности и их место в системе идентификационных выборов задают определенный абрис индивидуальной матрицы социальной идентичности [19]. С другой — структура идентификационных предпочтений личности определяет характер и степень ее активности в установлении соответствующих социальных связей [5]. Иными словами, идентичность выступает одной из наиболее интегри-

рующих систем, отражающих широкий спектр различных сфер жизнедеятельности общества, через которую осуществляется самоопределение и социальное взаимодействие личности.

В основе любого межгруппового (межкультурного) восприятия и взаимодействия лежат когнитивные процессы категоризации (на «мы» и «они»), социальной идентификации и социальной дифференциации [35]. По мнению Г. Тэшфела и Дж. Тернера, когнитивные процессы дифференциации (или оценочное сравнение) категоризируемых групп и групповой идентификации неразрывно связаны между собой. Или, как справедливо отмечал Б.Ф. Поршнев: «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» [20, с. 14].

Единый процесс групповой дифференциации/идентификации приводит к формированию социальной идентичности, которая в самом общем виде понимается как результат процесса сравнения своей группы с другими социальными общностями. Другими словами, **социальная идентичность** — это та часть Я-концепции индивида, которая возни-

кает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству [35]. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера, на концептуальные положения которой мы будем опираться в нашем исследовании, человек, как правило, стремится определить себя посредством принадлежности к некой социальной группе, которая имеет высокий субъективный статус или престиж, тем самым реализуя свою базовую потребность в самоуважении. В эпоху социальных перемен происходит понижение актуальности одних видов самоидентификации и повышение значимости других, принадлежность к которым наиболее полно и адекватно отвечает на вопрос «Кто Я?» в изменившейся реальности. Иными словами, анализ субъективной значимости того или иного вида социальной идентичности позволяет понять, какие социальные группы выступают ресурсом для сохранения индивидом позитивного самоопределения, а также являются условием для интеграции и консолидации общества.

Идентичности современного человека множественны. В нашей работе мы ограничимся изучением трех видов социальной идентичности — гражданской, этнической, региональной/территориальной, которые исследователями чаще всего рассматриваются в контексте выполнения функции консолидации общества, приверженности к территориальной целостности, формирования благоприятного социально-психологического самочувствия граждан [10; 11; 31].

Данные виды идентичности динамичны, остро откликаются на факторы идеологического, политического, социально-экономического характера [13; 24; 31; 33]. Так, конец 80-х—начало 90-х гг.

прошлого века связывают с небывалым ростом этнической идентичности и этнической солидарности у многих народов нашей страны, что нашло свое отражение в многочисленных исследованиях содержания данного феномена [7; 12; 23]. Этническая идентичность в данном случае выступает в качестве составной части социальной идентичности. Под **этнической идентичностью** понимается осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической группе, оценивание и переживание своего тождества с ней и отделения от других этнических общностей [23, с. 235].

Ряд исследователей в качестве базового процесса в формировании зрелого (осознанного) взгляда на окружающий нас мир и политические реалии в сложных и переменчивых условиях политической и экономической ситуации отмечают гражданскую идентичность [10; 11]. Отметим, что об укреплении гражданской идентичности как приоритетном направлении интеграции российского общества говорится и в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятой в декабре 2012 г. [25].

Вслед за Л.М. Дробихевой под **гражданской** или общероссийской **идентичностью** мы будем понимать отождествление индивида с гражданами страны и государственно-территориальным пространством [10, с. 27]. Наряду с определенными представлениями о государстве, стране, образе «Мы» гражданская идентичность включает также чувство общности, гражданской солидарности и согласия, создавая тем самым базу для консолидационных процессов в обществе. Исследования, проводившиеся во многих регионах Российской Федерации, в частности, в Башкортостане, Татарстане, Республике Саха, Мордовии,

Чувашии, выявили общую тенденцию формирования гражданской идентичности в России: на протяжении последних 20 лет гражданская идентичность становится преобладающей среди значимых идентичностей. При этом сохраняется также высокий уровень выраженности этнической идентичности для жителей этих автономий, особенно для представителей титульных этносов [6]. Как отмечают исследователи, ощущать себя человеком своего этноса и гражданином России для большинства населения не является проблемой, это вполне совместимые идентичности [3; 10].

В последнее время в науке все чаще звучит дискурс о регионализации сознания россиян и роли территориальной или региональной идентичности в консолидации населения постсоветской России [3; 15; 26]. **Региональная идентичность** как составная часть социальной идентичности в данном случае понимается как самоотнесенность индивида к территории проживания и может проявляться на трех уровнях:

микроуровне — отождествление индивида с локальным территориальным сообществом, которое нередко сохраняется даже при смене места поселения во взрослом возрасте и связано с таким конструктом, как «малая родина»;

мезоуровне — соотнесение индивида с определенной общностью, локализованной в границах конкретного административно-территориального региона — области, края, республики — субрегиональная идентичность;

макроуровне — самопричисление индивида к широкой территориальной общности — макрорегиональная идентичность (например, «кавказцы», «сиби-ряки», «волжане») [9].

Исследования последних лет показывают, что на фоне формирования

гражданской идентичности все более выраженный характер постепенно приобретает региональная (территориальная) идентичность [3; 11; 26]. К примеру, в исследовании, проведенном в Пензенской области, 71% респондентов ответили, что они «граждане России», и 67% опрошенных указали, что они являются «жителями Пензенской области» [11]. А согласно результатам исследования, проведенного в Республике Саха (Якутия), доля лиц, идентифицирующих себя с жителями своего региона, еще выше (77%) и превосходит процент лиц, идентифицирующих себя с гражданами России (69%) [3].

Как правило, интерес исследователей сосредоточен на изучении особенностей гражданской, этнической, региональной идентичности населения крупных индустриальных центров, поликультурных или пограничных регионов нашей страны (к примеру, Дальний Восток, Сибирь, Урал, Северный Кавказ) [4; 14]. И практически отсутствуют работы, в которых представлен анализ идентичности населения малых провинциальных городов России. В то время как в малых городах (с населением до 100 тыс. чел.) проживает более четверти городского населения России [28], анализ идентификационных выборов которого не менее важен для понимания происходящих интеграционных/деинтеграционных процессов российского гражданского общества. Основной исследовательский вопрос нашей работы состоит в том, чтобы изучить, какой вид социальной идентичности является наиболее выраженным у жителей малых российских городов и тем самым служит основой для их позитивного самоопределения и группового единства.

Целью настоящего исследования, которое осуществлялось в рамках проекта Института этнологии и антропологии РАН «Население малого русского города

в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития», является анализ субъективной значимости, придаваемой жителями малых городов гражданской, этнической, региональной идентичности, и выявление ее детерминант.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось в г. Белев Тульской области и г. Старица Тверской области. На 1 января 2018 года население г. Белева насчитывает 13180 чел., население г. Старицы — 7676 чел. [28]. Оба города относятся к числу самых малых городских поселений (до 20 тыс. чел.), удельный вес которых составляет треть (33,3%) в системе городского расселения России, а в этнической структуре населения выбранных городов русские составляют свыше 90% жителей. Города относятся к категории поселений с отрицательной демографической динамикой, характерной для всего Центрального федерального округа России, в котором они расположены. Выбор городов был обусловлен рядом других факторов: удаленность от Московской городской агломерации, относительная удаленность от собственных областных центров (расстояние от Белева до Тулы составляет 106 км, Старица находится в 71 км от Твери), богатая, более чем тысячелетняя история и культурные традиции.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие всего 600 человек в возрасте от 16 лет и старше. Из них 295 мужчин и 305 женщин. Выборка строилась на квотных принципах: и в том, и в другом городе анкетировалось население трех возрастных категорий: 16–29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше,

каждая из которых была представлена численностью в 100 чел. Внутри групп соблюдалось деление по полу в соответствии с реальными пропорциями в населении.

Методы и инструментарий исследования. Основным методом исследования — анкетирование. В опроснике использовались вопросы из этносоциологических инструментариев Института этнологии и антропологии РАН, применявшиеся ранее в работе над проектами «Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Постсоветский опыт», 2003 г.; «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, мира и согласия», 2005 г.; «Молодежь в системе межэтнического взаимодействия в полиэтничных средах», 2014–2015 гг. и др. и получившие апробацию при проведении широкомасштабных опросов на территории России и за ее пределами [8; 16; 17; 18]. Методика выявления субъективной значимости изучаемых видов идентичности апробирована также в исследованиях сотрудников СО РАН [1]. Для оценки степени выраженности гражданской, этнической, региональной идентичности респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «В какой степени Вы ощущаете себя: россиянином, русским, жителем своей области, жителем своего города. Оценка осуществлялась по 5-балльной шкале: 1 балл — совсем не ощущаю, 2 — ощущаю, но очень слабо, 3 — иногда ощущаю, иногда — нет, 4 — ощущаю почти всегда и 5 баллов — ощущаю в полной мере. При обработке данных отдельно для каждой выборки (жители г. Белев, жители г. Старица) подсчитывались средние значения выраженности каждого вида идентичности, на основании которых им присваивался ранг, отражающий положение идентич-

ности в структуре субъективной значимости идентичностей для каждой группы горожан. Для оценки достоверности различий средних величин применялся *t*-критерий Стьюдента.

Для выявления детерминант субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности использовался множественный регрессионный анализ (метод Forward stepwise), позволивший выявить предикторы (независимые переменные) значимости гражданской, этнической и региональной идентичности (зависимые переменные). В качестве независимых переменных выступили уровень удовлетворенности респондентов различными сторонами жизнедеятельности (материальным положением, своей работой, работой образовательных, медицинских, торговых учреждений, полиции, администрации), степень уверенности в собственном будущем и будущем своего города, отношение к своему городу, длительность проживания в нем.

Уровень удовлетворенности респондентов социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности (удовлетворенность своим материальным положением, содержанием и условиями профессиональной деятельности, жилищно-бытовыми условиями, работой образовательных, медицинских, торговых учреждений, полиции, городской и областной администрации) оценивался по пятибалльной шкале: 1 — полностью удовлетворен; 2 — скорее удовлетворен; 3 — трудно сказать; 4 — скорее не удовлетворен; 5 — совершенно не удовлетворен. Степень уверенности респондентов в будущем выявлялась с помощью ответов «да»; «в чем-то лучше, в чем-то хуже» и «нет» на вопрос: «Становится ли в целом Ваша жизнь лучше с течением времени?» При оценке длительности

проживания респондентов в исследуемых городах была применена следующая градация степени давности проживания, также широко используемая в социологических исследованиях [8; 16; 17; 18]: менее года; 1—2 года; 3—5 лет; 6—9 лет; 10 и более лет; с рождения.

Показателями отношения к своему городу выступали ответы на два вопроса. На первый вопрос «Любите ли Вы свой город?» предлагался выбор из пяти вариантов ответа: «да, люблю и горжусь тем, что живу в нем»; «да, люблю, только потому что здесь родился и вырос, но жить хотел бы в другом месте»; «отношусь безразлично»; «нет, не люблю»; «затрудняюсь ответить». Ответ на второй вопрос «Каким Вы видите будущее Вашего города?» также предполагал пять вариантов: «город обязательно возродится, станет процветающим»; «все останется по-прежнему еще долгие годы»; «город постепенно опустеет и перестанет существовать»; «другое, указать, что именно» и «затрудняюсь ответить». Данные вопросы были впервые включены в инструментарий эмпирического исследования. Их формулировке предшествовал опрос 50 экспертов, представляющих разные отрасли хозяйства, а также анализ сочинений старшеклассников на тему «За что я люблю свой город».

Регрессионный анализ проводился с использованием SPSS Statistic 18.

Результаты

Обратимся к результатам исследования, представленным в таблице в виде средних и ранговых показателей субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей двух исследуемых городов.

Средние и ранговые показатели значимости идентичностей для жителей г. Белев и г. Старица

Типы идентичностей	Малые города			
	г. Белев		г. Старица	
	М (SD)	Ранг	М (SD)	Ранг
россиянин	4,14 (1,27)	4	3,96 (1,13)	4
русский	4,55 (0,88)	1	4,38 (1,03)	1
житель своей области	4,19 (1,16)	3	4,06 (1,29)	3
житель своего города	4,46 (1,00)*	2	4,09 (1,23)*	2

Условные обозначения: * – $p < 0,05$.

Как видно из данных таблицы, жители обоих городов в наибольшей степени ощущают себя русскими (4,55 балла – г. Белев и 4,38 балла – г. Старица). Т.е. **этническая идентичность** занимает первое место среди исследуемых идентичностей жителей г. Белев и г. Старица. Последующие два места в иерархической структуре субъективной значимости идентичностей принадлежат идентификации себя как жителя своего города (4,46 балла – г. Белев и 4,09 балла – г. Старица) и как жителя своей области (соответственно 4,26 и 4,28 балла). И, наконец, условно «последнее», четвертое место среди идентичностей занимает гражданская или общероссийская идентичность (4,14 балла – г. Белев и 3,96 балла – г. Старица). Отметим, что различия между показателями (см. табл.) важности для респондентов этнической, региональной и гражданской идентичностей небольшие.

При полном ранговом совпадении идентичностей в идентификационных матрицах обнаружены различия в субъективной значимости (по среднегрупповым показателям) региональной (локальной) идентичности между жителями двух городов (достоверность различий подтверждается по t-критерию Стьюдента). Так, русские г. Белев в большей

степени ощущают себя жителями своего города, нежели русские г. Старица.

Множественный регрессионный анализ показал, что гражданская идентичность является субъективно значимой для тех жителей г. Старица, кто удовлетворен своей работой ($b = -0,230$) и условиями жизни в городе в целом ($b = -0,190$) ($F = 4,138$, $R^2_{adj} = 0,108$, $p = 0,001$), а этническая идентичность – для тех, кто удовлетворен работой культурно-развлекательных учреждений в своем городе ($b = -0,280$) и считает, что в целом его жизнь становится лучше с течением времени ($b = -0,216$) ($F = 2,812$, $R^2_{adj} = 0,208$, $p = 0,001$). К детерминантам субъективной значимости региональной идентичности как на микроуровне, так и на мезоуровне для старичан относятся следующие: уверенность в том, что со временем их жизнь становится лучше ($b = -0,250$), удовлетворенность работой администрации ($b = -0,310$), работой культурно-развлекательных учреждений ($b = -0,240$), своей работой ($b = -0,191$) и своим материальным положением ($b = -0,180$) ($F = 4,316$, $R^2_{adj} = 0,187$, $p = 0,001$).

Для жителей г. Белев предиктором субъективной значимости гражданской идентичности является вера в то, что их город возродится и станет процветающим ($b = -0,380$, $F = 8,992$, $R^2_{adj} = 0,173$,

$p=0,001$). Предиктором субъективной значимости этнической идентичности также выступают вера в лучшее будущее своего города ($b=-0,160$) и длительность проживания в родном городе ($b=0,183$) ($F=4,681$, $R^2_{adj}=0,088$, $p=0,001$). К числу детерминант субъективной значимости региональной (локальной) идентичности белевцев относится любовь и гордость за свой город ($b=-0,240$) ($F=6,683$, $R^2_{adj}=0,139$, $p=0,001$).

Обсуждение результатов

Обнаруженная в нашем исследовании высокая субъективная значимость этнической идентичности для жителей г. Белев и г. Старицы соответствует результатам исследований, полученным на общероссийской выборке [10], хотя имеет и свою региональную специфику. Так, в исследовании, проведенном в полиэтничных регионах (Башкирия, Саха (Якутия), Татарстан), превалирование этнической идентичности над общегражданской зафиксировано у представителей титульных народов, тогда как у русских, проживающих в данных национальных республиках, наблюдается обратная картина: приоритетность общегражданской идентичности над этнической [6].

В науке хорошо известно, что этничность становится действенным социальным конструктом и ее роль в обществе возрастает в тех условиях, когда связанные с ней социальные практики производят или приводят в действие существующие неравенства [12]. Возможно, высокая значимость этнической идентичности для белевцев и старичан обусловлена социально-экономической ситуацией неравенства, не приносящего позитивного статуса их группе, несмотря на то, что жители обоих городов прожи-

вают в моноэтнической среде. Более того, именно этническая идентичность выполняет важную защитную функцию, удовлетворяя базовые потребности личности в защищенности и безопасности в кризисные периоды жизни общества [23].

Наряду с важностью этнической идентичности для белевцев и старичан получены высокие показатели (больше 4-х баллов из 5) субъективной значимости региональной идентичности на микроуровне (отождествление индивида с жителями своего города) и мезоуровне (соотнесение с административно-территориальным сообществом — областью).

При этом, как было показано выше, существуют статистически значимые различия в субъективной значимости (по среднегрупповым показателям) региональной (локальной) идентичности между жителями двух городов: русские г. Белев в большей степени ощущают себя жителями своего города, нежели русские г. Старица.

Возможно, это объясняется меньшей частотой и масштабностью контактов белевцев за пределами своего района, области и, соответственно, более активным воспроизводством ориентаций местного населения на свое локальное окружение, традиционную культуру с сильным коллективистским началом.

Подобные различия, в свою очередь, в известной мере можно связать с географическим положением городов. Если Белев представляет собой довольно удаленную российскую провинцию со слабым движением населения, то Старица, расположенная между двумя крупнейшими центрами — Москвой и Санкт-Петербургом, отличается выраженными миграционными процессами. Социально-экономическая ситуация и культурно-бытовые условия в этих городах примерно одинаковые, но несколько

отличается состав населения. В выборке по Старице выше удельный вес неместной, приезжей молодежи (учащихся колледжей), причем зачастую это не только жители Тверской области, но и соседних, и даже удаленных областей. В то время как в Белеве в этой молодежной группе более высока доля уроженцев города.

В связи с этим можно высказать предположение, что люди, обитающие в более открытой среде, чаще ориентированы на внешний мир, ярче ощущают свою индивидуальность, слабее подвержены влиянию локальной культуры, традиционным установкам и коллективистским настроениям. В качестве примера хотелось бы привести московскую молодежь — молодых людей русской национальности, живущих в российской столице сравнительно давно, опрос которых проводился авторами в 2018 г. (опрашивались школьники, студенты и работающие в возрасте от 16 до 30 лет, объем выборки составил 450 человек). Отвечая на вопрос анкеты «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?», молодые москвичи поставили (по числу выборов) территориальную идентичность («я москвич») лишь на четвертую позицию [16, с. 96].

Наши результаты показывают, что более высокий уровень значимости региональной идентичности для белевцев сопровождается и более высоким уровнем значимости для них гражданской идентичности по сравнению со старичанами (хотя различия в показателях значимости гражданской идентичности между жителями двух городов статистически незначимы). Тем самым наши данные согласуются с результатами других исследований, свидетельствующих о том, что в современных условиях региональная идентичность все более ощутимо отражается в общественном сознании людей и играет важную роль в формировании

гражданской идентичности: любовь к большой Родине начинается с любви к малой родине [3; 4]. Не исключено также, что «сильное чувство к отечеству трансформируется в чувство гражданской ответственности, в экономическое и социальное процветание своей малой родины, в богатство и благополучие населяющего его народа» [27, с. 292–293].

Наличие связи между значимостью гражданской, региональной и этнической идентичности и субъективным благополучием населения исследуемых городов частично подтверждают и данные множественного регрессионного анализа.

Так, согласно представленным выше данным регрессионного анализа, предиктором субъективной значимости гражданской идентичности для жителей г. Старицы является удовлетворенность работой и условиями жизни в городе, что, в свою очередь, соотносится с данными Р.М. Шамянова [29]. Тогда как для жителей г. Белев таким предиктором выступает вера в то, что условия жизни в их городе в будущем станут лучше. Предикторами субъективной значимости этнической идентичности у старичан выступает уверенность в том, что их жизнь становится лучше с течением времени, а у белевцев такими предикторами снова выступают вера в лучшее будущее своего родного города, а также продолжительность проживания в родном городе. Наконец, предикторами субъективной значимости региональной идентичности для старичан являются уверенность в том, что со временем их жизнь становится лучше, удовлетворенность своим материальным положением, своей работой, работой администрации города/области и культурно-развлекательных учреждений. Причем есть исследования, показывающие, что наличие прямой связи удовлетворенности жизнью с региональной идентичностью имеет универсальный

характер [21]. В то же время предикторами субъективной значимости региональной идентичности для белевцев являются лишь любовь и гордость за свой город. Как видим, идентификацию белевцев и старицан с гражданами своей страны, своего этноса, своего города детерминируют представления о жизни как благополучной не только в настоящем, но и будущем, а также безусловная любовь к родному городу и вера в его будущее и процветание.

Полученные различия в предикторах субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности русских жителей г. Старица и г. Белев свидетельствуют о наличии, особенно у жителей г. Белев, мощного психологического потенциала, способствующего их адаптации к условиям социально-экономической депрессивности исследуемых малых российских городов. Региональная идентичность в данном случае играет важную консолидирующую роль, выступая в качестве мощного механизма социальной интеграции гражданского сообщества.

Выводы

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых провинциальных русских городов Белев и Старица позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Наблюдается практически полное ранговое совпадение субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности в структурах предпочтений идентичностей жителей двух исследуемых городов.

2. Этническая идентичность как осознание своей принадлежности к русскому

этносу получила наиболее высокие оценки и занимает вершину структуры предпочтений среди исследуемых идентичностей русских жителей г. Белев и г. Старица. Более высокий уровень идентификации с членами своей этнической группы по сравнению с представителями других социальных общностей является, на наш взгляд, свидетельством некоего компромисса между испытываемой жителями малых городов социальной ненадежностью в современных условиях их жизни и острой потребностью в безопасности.

3. Региональная или территориальная идентичность как осознание себя жителями города и области имеет хоть и несколько меньшую, чем этническая идентичность, но также достаточно высокую степень выраженности у жителей обоих городов. Важность региональной идентичности для жителей данных городов определяется той эмоционально-ценностной оценкой, которая придаетается ими своему членству в группе горожан. Иными словами, в нынешних условиях социально-экономического развития общества региональная идентичность жителей малых городов выступает важным механизмом личного освоения действительности, формирования социальных контактов и удовлетворения потребности в защищенности. При этом более высокий уровень значимости региональной идентичности сопровождается и более высоким уровнем значимости гражданской идентичности, тем самым выявлен важный ресурс в консолидации общегражданского общества.

4. При сравнении оценки важности гражданской, этнической и региональной идентичности по среднegrupповым значениям обнаружены статистически достоверные различия между жителями г. Белев и г. Старица в степени выраженности только региональной идентичности: белевцы в

большей степени ощущают себя жителями своего города, нежели старичане. Это может быть обусловлено различиями в структуре населения городов по продолжительности проживания: в г. Белев более высокая доля старожильческого населения.

5. Выявлена также специфика психологической детерминации субъективной значимости гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей г. Белев и г. Старица. Для старичан такими детерминантами выступают показатели субъективного благополучия: удовлетворенность своим материальным положением, своей профессиональной деятельностью, работой различных городских учреждений, а также оптимистичный взгляд на мир в целом. В то время как для белевцев в качестве предикторов субъективной значимости как территориальной (городской), так и этнической, и гражданской идентичности выступают лишь безграничная любовь к родному городу, гордость и вера в его будущее процветание.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в условиях нестабильности и неопределенности жители малых российских городов испытывают потребность ощущать себя частью «мы» и ищут опору, поддержку и защиту, прежде всего, в осознании своей принадлежности к этносу как наиболее стабильной социальной группе с устойчивыми ценностями и традициями. Наряду с этнической идентичностью важным ресурсом для сохранения жителями малых провинциальных городов позитивного самоопределения и удовлетворения базовой потребности в самоуважении выступает также региональная идентичность. Полученные результаты о структуре идентификаци-

онных предпочтений и психологических детерминантах субъективной значимости этнической, региональной и гражданской идентичности свидетельствуют о характере и степени активности жителей малых провинциальных городов в установлении соответствующих социальных связей и тем самым об этническом и региональном потенциале для интеграции и консолидации общества.

Можно сказать, что кардинальные перемены, происшедшие после распада Советского Союза, совершили значительный переворот не только в материальных сторонах жизни бывших советских людей, но и в их сознании, и последствия этого ощущаются до сих пор, в том числе жителями малых городов. Понятие «Я гражданин России» еще не стало преобладающим, каким было когда-то понятие «Я советский человек».

Материалы нашего исследования убедительно показали, что в настоящее время для консолидации людей, укрепления мира и согласия в нашей стране особое значение имеет решение не только глобальных задач, но и чисто региональных, деятельность по улучшению ситуации на конкретных территориях, в том числе в селах и малых городах. Важную роль играет сглаживание резких граней в качестве и уровне жизни населения различных регионов, существенного социально-имущественного расслоения россиян, что в значительной мере тормозит процесс формирования гражданской идентичности. Выявленный авторами высокий уровень региональной (локальной) идентичности и позитивного отношения жителей к своему городу приводит к мысли о необходимости более широкого развития в малых городах местного самоуправления, гражданских инициатив, повышения участия горожан в решении общегородских задач.

Литература

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современной трансформации. Новосибирск: Издательско-полиграфический дом «Нонпарель», 2011. 330 с.
2. *Антонова Н.Л., Бусыгин А.Г.* Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). С. 12–16. DOI:10.24158/tipog.2019.2
3. *Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 259–272.
4. *Волгогонова О.Д., Белоусов С.О.* Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). С. 49–62.
5. *Гальченко А.С.* Методологические проблемы исследования гражданской идентичности как психологического феномена // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4. № 4. С. 107–117. DOI:10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-10
6. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
7. *Гриценко В.В.* Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 62–70.
8. *Гриценко В.В., Субботина И.А.* Социальное самочувствие и адаптация // Этнорегиональные модели адаптации. Постсоветские практики / Ред. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 45–82.
9. *Денисова Г.С., Клименко Л.В.* Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25–34.
10. *Дробизева Л.М.* Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36. URL: http://sosis.isras.ru/files/File/2017/2017_1/Drobizheva.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
11. *Еремينا Е.В., Ретинская В.Н.* Региональная и гражданская идентичность: взаимосвязь и механизмы формирования // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 190–197.
12. *Краснопольская И.И., Солодова Г.С.* Социальное конструирование этничности // СоцИс. 2013. № 12. С. 26–34.
13. *Макарова Г.* Динамика российской, региональной и этнической идентичностей в Татарстане // Россия и мусульманский мир. 2011. № 11. С. 37–43.
14. *Максимов М.Б., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е.* Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 11 (133). С. 167–171.
15. *Оситова О.В., Маклашова Е.Г.* Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 139–144.
16. *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этно-культурные характеристики). Полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2018. 184 с.
17. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. 350 с.
18. *Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л.* Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... М.: ИЭА РАН, 2012. 350 с.
19. *Павлова О.С.* Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 2. С. 119–136.

20. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука, 1973. 88 с.
21. *Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д.* Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206
22. *Степанова Г.С.* Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования // *Социальная психология и общество*. 2012. Т. 3. № 4. С. 41–52.
23. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности: дисс. ... докт. психол. наук. М., 1999. 529 с.
24. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2018. 312 с.
25. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (дата обращения: 20.07.2019).
26. *Черникова В.В.* Формирование региональной идентичности в современной России (на примере Воронежской области) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 81–87.
27. *Чечет Б.Ф.* Малая Родина как форма идентичности // *Вестник Ангарского государственного технического университета*. 2017. № 11. С. 290–293.
28. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 20.07.2019).
29. *Шамионов Р.М.* Соотношение степени эмоциональной приверженности к этнической группе, религиозности и гражданской идентичности и субъективного благополучия личности // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 24. № 4. С. 107–112.
30. *Abes E.S., Jones S.R., McEwen M.K.* Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: The roles of meaning-making capacity in the construction of multiple identities // *Journal of college student development*. 2007. Vol. 48. № 1. P. 1–22. DOI:10.1353/csd.2007.0000
31. *Akaev V.* Formation of the civil nation in Russia: dynamics from local to all-russian form of identity // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2017. Vol. 10. P. 1–7.
32. *Berzonsky M., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B.D.* The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. P. 295–299.
33. *Breakwell G.M.* Resisting representations and identity processes // *Papers on Social Representations*. 2010. Vol. 19. P. 6.1–6.11.
34. *Hogg M.A.* Managing self-uncertainty through group identification // *Psychological Inquiry*. 2009. Vol. 20. № 4. P. 221–224.
35. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.

References

1. Abramova M.A., Goncharova G.S., Kostyuk V.G. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya molodezhi Severa k usloviyam sovremennoi transformatsii [Sociocultural adaptation of the youth of the North to the conditions of modern transformation]. Novosibirsk: Publ. Izdatel'sko-poligraficheskii dom «Nonparel'», 2011. 330 p. (In Russ.).
2. Antonova N.L., Busygin A.G. Identichnost' kak sotsial'nyi fenomen: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sotsial'nogo konstruktivizma [Identity as a social phenomenon: theoretical and

- methodological foundations of social constructivism]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2019, no. 2 (132), pp. 12–16. (In Russ.).
3. Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika [State-civil and ethnic identity of youth: All-Russian context and regional specificity]. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is reformed. Ezhegodnik*. Vyp. 15. In M.K. Gorshkov (ed). M.: Novyi Khronograf, 2017, pp. 259–272. (In Russ.).
  4. Volkogonova O.D., Belousov S.O. Fenomen regional'noi identichnosti kak faktor politicheskogo protsessa v Rossii [The phenomenon of regional identity as a factor in the political process in Russia]. *Rossiya i sovremennyyi mir = Russia and the modern world*, 2009, no. 1 (62), pp. 49–62. (In Russ.).
  5. Gal'chenko A.S. Metodologicheskie problemy issledovaniya grazhdanskoi identichnosti kak psikhologicheskogo fenomena [Methodological problems of research of civil identity as a psychological phenomenon]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Scientific Result. Education and psychology of education*, 2018, no. 4, pp. 107–117. DOI:10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-10 (In Russ.).
  6. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. In L.M. Drobizheva (ed.). Moscow: Publ ROSSPEN, 2013. 485 p. (In Russ.).
  7. Gritsenko V.V. Etnicheskaya identichnost' i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya [Ethnic Identity and Social-Psychological Adaptation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Series philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006. Vol. 6, no. 1–2, pp. 62–70. (In Russ.).
  8. Gritsenko V.V., Subbotina I.A. Sotsial'noe samochuvstvie i adaptatsiya [Social well-being and adaptation]. In Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (Eds.) Etnoregional'nye modeli adaptatsii. Postsovetskie praktiki [Ethno-regional models of adaptation. Post-Soviet practices]. Moscow: Publ. IEA RAN, 2008, pp. 45–82. (In Russ.).
  9. Denisova G.S., Klimenko L.V. Osobennosti regional'noi identichnosti naseleniya Yuga Rossii [Features of the regional identity of the population of the South of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2013, no. 7, pp. 25–34. (In Russ.).
  10. Drobizheva L.M. Obshcherossiiskaya identichnost' i uroven' natsional'nogo soglasiya kak otrazhenie vektora konsolidatsionnykh protsessov [Elektronnyi resurs] [All-Russian identity and the level of national consent as a reflection of the vector of consolidation processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2017, no. 1. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_1/Drobizheva.pdf (Accessed: 20.07.2019). (In Russ.).
  11. Eremina E.V., Retinskaya V.N. Regional'naya i grazhdanskaya identichnost': vzaimosvyaz' i mekhanizmy formirovaniya [Regional and civic identity: the relationship and mechanisms of formation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2016, no. 9, pp. 190–197. (In Russ.).
  12. Krasnopol'skaya I.I., Solodova G.S. Sotsial'noe konstruirovaniye etnichnosti [Social construction of ethnicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2013, no. 12, pp. 26–34. (In Russ.).
  13. Makarova G. Dinamika rossiiskoi, regional'noi i etnicheskoi identichnostei v Tatarstane [Dynamics of Russian, regional and ethnic identities in Tatarstan]. *Rossiya i musul'manskii mir = Russia and the Muslim world*, 2011, no. 11, pp. 37–43. (In Russ.).
  14. Maksimov M.B., Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Noyanzina O.E. Grazhdanskaya, etnicheskaya i religioznaya identichnosti: regional'noe izmerenie [Civil, ethnic and religious identities: regional dimension]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Altai State Agrarian University*, 2015, no. 11 (133), pp. 167–171. (In Russ.).
  15. Osipova O.V., Maklashova E.G. Identichnosti molodezhi Arktiki [The identity of the youth in the Arctic]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2015, no. 5, pp. 139–144. (In Russ.).

16. Ostapenko L.V., Starchenko R.A., Subbotina I.A. Russkaya molodezh' Moskvy (sotsial'no-demograficheskie i etno-kul'turnye kharakteristiki). Polevaya etnostatistika [Russian youth of Moscow (socio-demographic and ethno-cultural characteristics). Field ethnostatistics]. Moscow: Publ. IEA RAN, 2018. 184 p. (In Russ.).
17. Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Moskva mnogonatsional'naya. Starozhily i migranty: vmeste ili ryadom? [Moscow is multinational. Old-timers and migrants: together or nearby?]. Moscow: Publ. RUDN, 2007. 350 p. (In Russ.).
18. Ostapenko L.V., Subbotina I.A., Nesterova S.L. Russkie v Moldavii. Dvadsat' let spustya... [Russian in Moldova. Twenty years later ...]. Moscow: Publ. IEA RAN, 2012. 350 p. (In Russ.).
19. Pavlova O.S. Ob etnicheskoj, religioznoj i gosudarstvenno-grazhdanskoj identichnosti Chechentsjev i Ingushei [On the ethnic, religious, and state-civil identity of Chechens and Ingus]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 2, pp. 119–136. (In Russ.).
20. Porshnev B.F. Protivopostavlenie kak komponent etnicheskogo samosoznaniya [Opposition as a component of ethnic self-consciousness]. Moscow: Nauka, 1973. 88 p. (In Russ.).
21. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennyye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206 (In Russ.).
22. Stepanova G.S. Osobennosti etnicheskoi identichnosti russkikh: problemy i perspektivy issledovaniya [Features of the ethnic identity of Russians: problems and prospects of research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012, no. 4, pp. 41–52. (In Russ.).
23. Stefanenko T.G. Sotsial'naya psikhologiya etnicheskoi identichnosti. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Social psychology of ethnic identity. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1999. 529 p. (In Russ.).
24. Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadsat' let spustya [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. In M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (ed.). Moscow: Publ. Ves' mir, 2018. 312 p. (In Russ.).
25. Ukaz Prezidenta Rossijskoi Federatsii ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) "O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossijskoi Federatsii na period do 2025 goda" [Decree of the President of the Russian Federation, December 19, 2012, № 1666 (ed. December 6, 2018) "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (Accessed 20.07.2019). (In Russ.).
26. Chernikova V.V. Formirovanie regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii (na primere Voronezhskoi oblasti) [The formation of regional identity in modern Russia (on the example of the Voronezh region)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: history. Political science. Sociology*, 2013, no. 2, pp. 81–87. (In Russ.).
27. Chechet B.F. Malaya Rodina kak forma identichnosti [Small Homeland as a form of identity]. *Vestnik Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Angarsk State Technical University*, 2017, no. 11, pp. 290–293. (In Russ.).
28. Chislennost' naseleniya Rossijskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2018 goda [The population of the Russian Federation by municipalities on January 1, 2018]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (Accessed 20.07.2019). (In Russ.).
29. Shamionov R.M. Sootnoshenie stepeni emotsional'noi priverzhennosti k etnicheskoi gruppe, religioznosti i grazhdanskoj identichnosti i sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [The ratio of the degree of emotional commitment to an ethnic group, religiosity and civic identity and subjective well-being of a person]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya*.

- Pedagogika = Bulletin of the Udmurt University. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy*, 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 107–112. (In Russ.).
30. Abes E.S., Jones S.R., McEwen M.K. Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: The roles of meaning-making capacity in the construction of multiple identities. *Journal of college student development*, 2007, no. 48 (1), pp. 1–22. DOI:10.1353/csd.2007.0000
31. Akaev V. Formation of the civil nation in Russia: dynamics from local to all-russian form of identity. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya = Scientific almanac of the Black Sea countries*, 2017, no. 2 (10), pp. 1–7.
32. Berzonsky M., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011, no. 50, pp. 295–299.
33. Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes. *Papers on Social Representations*, 2010, no. 19, pp. 6.1–6.11.
34. Hogg M.A. Managing self-uncertainty through group identification. In M. Hogg (ed.). *Psychological Inquiry*, 2009, no. 20 (4), pp. 221–224.
35. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. In Worchel S., Austin W.G. (eds.). Chicago: Hall Publishers, 1986, pp. 7–24.

Информация об авторах

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Остапенко Любовь Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений, Институт этнологии и антропологии РАН (ФГБун ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9049-104X>, e-mail: lost_82@bk.ru

Субботина Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений, Институт этнологии и антропологии РАН (ФГБун ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>, e-mail: irinalsu@yandex.ru

Information about the authors

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Lyubov V. Ostapenko, PhD in History, Senior Researcher of the Center for Interethnic Relations Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9049-104X>, e-mail: lost_82@bk.ru

Irina A. Subbotina, PhD in History, Senior Researcher of the Center for Interethnic Relations Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>, e-mail: irinalsu@yandex.ru

Получена 31.07.2019

Received 31.07.2019

Принята в печать 14.10.2020

Accepted 14.10.2020